

Научная статья
УДК 316:4
doi: 10.17223/2312461X/50/6

«В Новосибирск еду торговать, в Тюмень работать...»: транснациональные сценарии киргизских мигрантов

Андрей Александрович Авдашкин

*Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия;
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия
adrianmaricka@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается киргизская миграция в приграничные с Казахстаном регионы Сибири. После распада СССР сложился специфический набор миграционных сценариев и транснациональных связей, которые влияли на расселение киргизских мигрантов. В Сибири ими выбирались регионы и региональные столицы для осуществления торговых и предпринимательских сценариев (Красноярск и Новосибирск), трудовых (Тюменская область) и образовательных миграций (Томск). Источниковую базу составили материалы переписи населения, а также полевые материалы автора, собранные в Новосибирске, Тюмени, Красноярске и Иркутске в 2022–2025 гг. Всего было взято 62 глубинных неструктурированных интервью с мигрантами из Кыргызстана, в местах работы и жительства информантов проводилось включенное наблюдение. Концептуальную рамку составляет транснациональный подход, применение которого открывает возможность для исследования связей и отношений поверх нескольких государственных границ и жизненных сценариев выходцев из Кыргызстана. Это дает возможность получить представление о транснациональных обменах ресурсами, вещами и информацией, понять особенности идентичности киргизских мигрантов, предпочитающих оставаться одновременно «здесь» и «там». Сибирские регионы играют одну из ключевых ролей в формировании и развитии сложной сети отношений через всю Центральную Азию в регионы российско-казахстанского приграничья. Представленный материал продвигает поле миграционных исследований тем, что иллюстрирует механизмы реализации транснациональности, которые выработали киргизские мигранты в регионах Сибири: торговые связи и отношения между рынками Дордой (Бишкек) и Кара-Суу (Ош), торговыми площадками Новосибирска, движение вещей и денег, выработка миграционных сценариев, включающих перемещение из южных районов Кыргызстана в северные с целью оптимизации предпринимательских стратегий и жизненных сценариев и участия в торговых операциях от границы между Кыргызстаном и КНР до приграничья России и Казахстана.

Ключевые слова: миграция, транснациональные сети, киргизы, приграничье, Новосибирск

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00467, <https://rscf.ru/project/25-18-00467/>. Автор благодарит всех

анонимных информантов, без участия которых это исследование бы не состоялось, а также выражает признательность Д.А. Функу и И.В. Нам за советы и рекомендации, позволившие улучшить первоначальный текст рукописи.

Для цитирования: Авдашкин А.А. «В Новосибирск еду торговать, в Тюмень работать...»: транснациональные сценарии киргизских мигрантов // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 106–124. doi: 10.17223/2312461X/50/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/6

“I’m Going to Novosibirsk to Trade, to Tyumen to Work...”: Transnational Scenarios of Kyrgyz Migrants

Andrei A. Avdashkin

*Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation;*

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;*

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
adrianmaricka@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to Kyrgyz migration to the Siberian regions bordering Kazakhstan. After the collapse of the USSR, a specific set of migration scenarios and transnational ties emerged that determined the settlement of Kyrgyz migrants within these territorial boundaries. One of the important features of Kyrgyz migration is the high degree of concentration of Kyrgyz citizens in such a large center as Moscow and the Moscow region, but there is little information in the literature on the formation and development of other centers of attraction for Kyrgyz migration to Russian regions, in particular in Siberia. In relation to them, regions and regional capitals were clearly identified for the implementation of trade and entrepreneurial scenarios (Krasnoyarsk and Novosibirsk), labor (Tyumen region) and educational migrations (Tomsk). The source base consisted of population census materials, the results of the author’s field work in Novosibirsk, Tyumen, Krasnoyarsk and Irkutsk in 2022–2025. The conceptual framework of the article is a transnational approach, the application of which allows us to consider connections and relations across several state borders and life scenarios of people from Kyrgyzstan. This allows us to get a complex picture of transnational exchanges of resources, things and information, to understand the peculiarities of the identity of Kyrgyz migrants who prefer to remain both “here” and “there”. In this sense, the Siberian regions play one of the key roles in the formation and development of a complex network of relations across Central Asia to the regions of the Russian-Kazakh borderland. The presented material advances the field of migration studies by illustrating the mechanisms for implementing transnationality that Kyrgyz migrants have developed in the regions of Siberia: trade links and relations between the markets of Dordoi (Bishkek) and Kara-Suu (Osh), the Khiloksky market (Novosibirsk), the movement of things and money, the development of migration scenarios, including movement from the southern regions of Kyrgyzstan to the northern ones in order to optimize entrepreneurial strategies and life scenarios and participation in trade operations from the border between Kyrgyzstan and China to the borderland of Russia and Kazakhstan.

Keywords: migration, transnational networks, Kyrgyz, borderland, Novosibirsk

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00467, <https://rscf.ru/project/25-18-00467/>. The author expresses gratitude to all anonymous informants, without whose participation this research would not have been possible, and also acknowledges D.A. Funk and I.V. Nam for their advice and recommendations, which helped improve the initial manuscript.

For citation: Avdashkin, A.A. (2025) “I’m Going to Novosibirsk to Trade, to Tyumen to Work...”: Transnational Scenarios of Kyrgyz Migrants. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp.106–124. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/6

Введение

Киргизской миграции посвящен заметный объем литературы, но значительная часть исследований выполнена на макроуровне, что препятствует детализации многих процессов и сюжетов (Миграция из России в Кыргызстан... 2023). Ощутимо недостает работ, выполненных на локальном уровне, в особенности это касается регионов на границе с Казахстаном. Постсоветские перемещения в приграничье, практики мобильности и отношения, сложившиеся поверх новых государственных границ, только недавно стали объектом пристального внимания исследователей, поэтому в развитии проблемы остаются историографические лакуны (более подробно см.: Смирнова, Блинова 2024; Соколов, Руднева 2023). В литературе российско-казахстанское приграничье описывается как целостная локальность, связанная контактами с различными частями Центральной Азии. Они включают как вынужденную, так и трудовую миграцию, обмена различными ресурсами, вещами и информацией. Приграничные базары в Центральной Азии способствовали формированию межрегиональных сетей, по которым перемещались люди, вещи, товары и денежные средства (см.: Kaminski, Mitra 2012). В результате в одних регионах практически не представлены сообщества киргизов, а в других они сами, их публичная активность становились достаточно заметны для принимающей и отправляющей сторон. Укреплению миграционных связей с Кыргызстаном способствовали цепочки доставки товаров из КНР, наличие определенных сфер занятости на рынках труда, формирование и развитие крупных торговых площадок, связавших районы Кыргызстана с региональными столицами Сибири, в данном случае с Новосибирском.

В территориальных рамках сибирских регионов получили освещение вопросы возникновения этнических рынков и формирования районов концентрации мигрантов (Варшавер и др. 2021), рассмотрены некоторые интеграционные траектории (Рочева, Варшавер, Иванова 2019) и транснациональные стратегии выходцев из Центральной Азии (Варшавер и др. 2020; Джанызакова 2019; Kosygina 2017). Научная новизна данного исследования состоит в том, что раскрыты различия транснациональных

стратегий киргизских мигрантов в регионах Сибири. С одной стороны, ими поддерживаются прочные связи с отправляющим обществом, вырабатываются социальные практики, позволяющие сохранять статус членов сообщества «здесь» и «там». Эти связи включают отправку денежных средств, периодические поездки на родину для подтверждения и сохранения статуса члена отправляющего сообщества. Все это формировало транснациональное пространство, в рамках которого мигрант попадал в двойственное состояние, регулярно переключаясь между разными статусами (свой и чужой, успешный и прозябающий и т.д.). Повседневные практики адаптируются к этим сменам ролей, расстояниям и средствам связи. Члены сообщества, оставшиеся «там», аналогичным образом адаптируются к цикличности возвращений и отъездов, сохраняя привычные роли и устоявшуюся иерархию.

Как показывают полевые данные, эти практики заметно различаются между собой в зависимости от региона проживания. В случае киргизских мигрантов в Тюменской области это трудовая миграция, направленная на заработок и перевод денежных средств «домой». В свою очередь, для живущих в Новосибирске киргизских мигрантов транснациональные сценарии предполагают использование преимуществ одновременного членства в двух обществах с целью организации и развития предпринимательства. Тем самым они выполняют посреднические функции в доставке товаров на крупные рынки Новосибирска. Кроме того, представленный полевой материал позволяет детализировать сюжеты, связанные с идентичностью мигрантов, отношением к стране исхода, со стратегиями принятия российского гражданства, взаимодействием с родственниками, а также с формированием планов на возвращение в Кыргызстан.

Цель статьи – показать формирование транснациональных сценариев киргизских мигрантов в регионах российско-казахстанского приграничья на примере Тюменской и Новосибирской областей. В статье решаются следующие исследовательские задачи: изучить, как приграничные регионы, города и точки «остановок» мигрантов встраиваются в транснациональные пространства; выявить влияние миграционного опыта на жизненные сценарии и идентичность акторов. Объектом являются сообщества киргизских мигрантов в регионах Сибири, а предметом – их транснациональные практики и сети отношений.

Источниковую базу статьи составили материалы переписи населения (1989–2020 гг.) и результаты полевой работы автора в Красноярске, Новосибирске, Тюмени и Иркутске в 2022–2025 гг. Несмотря на определенные познавательные ограничения, итоги переписи населения отражают особенности миграции и расселения киргизов в российских регионах. В ходе полевого исследования у мигрантов из Кыргызстана взято 62 глубинных неструктурированных интервью продолжительностью от 30 ми-

нут до полутора часов, осуществлялось включенное наблюдение в местах работы информантов. Для формирования доверительных отношений средства записи не применялись. Ключевые сюжеты фиксировались на цифровой носитель. В Новосибирске собрано 29 интервью, 17 – в Тюмени, 9 – в Красноярске и 7 – в Иркутске. Основная часть информантов характеризовала себя как предпринимателей или работников сферы торговли и обслуживания, несколько человек назвали профессии строителей, педагогов и врачей. Продолжительность проживания в России составляла от 2 до 25 лет. Примерно половина (27 человек) отправилась в Россию из Ошской области, 12 – из Баткенской, 8 – из Бишкека, остальные умолчали об исходной точке своих перемещений. Имена информантов изменены по согласованию с ними. Концептуальную рамку составляет транснациональный подход, что позволяет рассматривать связи и отношения поверх нескольких государственных границ и жизненные сценарии выходцев из Кыргызстана. Тем самым фиксируются транснациональные обмены ресурсами, вещами и информацией, становятся понятны особенности идентичности киргизских мигрантов, предпочитающих оставаться одновременно «здесь» и «там» (см.: Капустина, Борисова 2021).

В Новосибирск торговать, в Тюмень работать...

За прошедшие десятилетия численность киргизов в приграничных регионах заметно возросла, в особенности в Тюменской и Новосибирской областях. Из 103 тыс. киргизов, зафиксированных переписью населения 2010 г., примерно четверть проживали в приграничье. Хотя общая численность киргизов в России за последние годы увеличилась, их доля в приграничных регионах несколько сократилась (примерно на 3%) в результате более активных перемещений в регионы за пределами приграничья, в основном в Москву и Московскую область, а также Екатеринбург, Красноярский край и др. (табл. 1, 2).

Миграционные потоки из Кыргызстана следовали по нескольким ключевым маршрутам. Одним из наиболее приоритетных направлений являлся путь из Бишкека в Москву, далее следовали рейсы в Новосибирск, Екатеринбург, Красноярск (см.: Из Азии в Сибирь... 2013: 11–12). По словам информантов, они сами и их земляки перемещались между отправляющим и принимающим сообществами по этим направлениям. Так формировалась география расселения киргизских мигрантов, развивались торговые площади в городах Сибири и Урала. По данным государственной службы миграции при Правительстве Кыргызстана, в августе 2018 г. киргизские мигранты распределялись по территории России следующим образом: Центральный федеральный округ (47% в Москве и

Московской обл.), Приволжский и Уральский – по 14%, Северо-Западный – 7%, Сибирский – 12%, Дальневосточный – 3%, Южный – менее 1% (Габдрахманова, Сагдиева, Фрайер 2020).

Таблица 1

Численность киргизов в регионах российско-казахстанского приграничья по данным переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. (Всероссийская перепись... 2002, 2010, 2020)

	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Астраханская область	69	402	244
Волгоградская область	173	292	257
Саратовская область	311	547	708
Самарская область	733	2 105	2 406
Оренбургская область	393	688	606
Челябинская область	604	1 410	1 430
Курганская область	141	504	290
Тюменская область	3 075	8 652	10 800
Омская область	644	1 578	900
Новосибирская область	1 423	6 506	6 047
Алтайский край	163	558	672
Республика Алтай	439	238	222
Регионы приграничья	8 168	23 480	26 602
Итого РФ	31,8 тыс.	103,3 тыс.	137,7 тыс.

Таблица 2

Численность граждан Кыргызстана в регионах российско-казахстанского приграничья по данным переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. (Всероссийская перепись... 2002; 2010; 2020)

	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Астраханская область	135	180	28
Волгоградская область	360	122	21
Саратовская область	477	160	147
Самарская область	1 071	1 212	474
Оренбургская область	471	256	123
Челябинская область	763	942	435
Курганская область	139	192	34
Тюменская область	1 892	2 760	1 304
Омская область	689	549	182
Новосибирская область	1 219	3 362	1 224
Алтайский край	1 026	272	200
Республика Алтай	80	43	27
Регионы приграничья	8 322	10 050	6 219
Итого РФ	28 843	44 611	32 511

Регионы Сибири условно дифференцировались на те, где стоит в основном заниматься бизнесом («зарабатывать на торговле»), а где предпочтительно получать образование и(или) работать. Понятие «работать»

в собранных интервью означало трудовую миграцию, суть которой состоит в отправке денежных переводов на родину. Нередко этот жизненный сценарий рассматривался информантами в негативном контексте, поскольку сопряжен со множеством жизненных тягот и лишений. В свою очередь, «заработок на торговле» воспринимался как занятие более престижное и прибыльное. Это предполагало высокий социальный статус актора, возможность оставаться представителем принимающего и отправляющего сообществ, использовать репутацию, связи для доставки и распространения товаров на рынках сибирских городов. К примеру, «Урал» в повествованиях информантов в основном исчерпывался Екатеринбургом, что связано с функционированием там крупных рыночных комплексов, развитого рынка труда для привлечения международных мигрантов. Новосибирск фигурировал как «хорошее» место для заработка денег и участия в челночной торговле, поскольку на рынках города сходятся многие потоки товаров, идущих из КНР и Центральной Азии. Челночное предпринимательство в Сибири, в частности в Новосибирске или Красноярске, оценивалось информантами как занятие более безопасное, нежели на Урале. Старожилы этого бизнеса рассказали, как их знакомые или деловые партнеры подвергались рэкету, становились жертвами грабежей или погибали в ходе конфликтов в Екатеринбурге. Одним из наиболее таких громких случаев стало убийство бизнесмена, соучредителя и экс-главы Свердловской общественной организации «Кыргызстан-Урал» К. Каримова в июле 2019 г. (В Екатеринбурге застрелили...).

Исходной локацией на пути в Сибирь с целью предпринимательства названы Ош или Бишкек, испытывавшие стремительный рост розничной и оптовой торговли (Alff 2016; Kaminski, Raballand 2009). Размышления информантов о своей роли в доставке товаров, сама ситуация границы, созданная в пространстве этих рынков принимающей стороной и другими мигрантами (т.е. киргизские торговые ряды), обозначают транснациональные взаимодействия. В эти отношения включены не только информанты или рынки, на которых они торгуют, но и крупнейшие центры пограничной торговли в Китае, Казахстане и Кыргызстане, многие локации вдоль казахстанско-китайской и киргизско-китайской границ. Хилокский и Гусинобродский рынки в Новосибирске – крупные оптово-логистические центры, которые встроились в систему международной торговли, и не последнюю роль в этом играли кыргызстанские челноки, торговцы, поставщики и посредники. Так, Хилокский рынок является крупнейшим плодоовощным рынком в Сибири, вокруг него сложилась разветвленная инфраструктура для мигрантов из Центральной Азии (хостелы, кафе, парикмахерские, торговые точки, молитвенная комната). Гусинобродский вещевой рынок выполнял важную роль в распределении товарных потоков из Центральной Азии в другие сибирские регионы. В 2015 г. власти официально остановили работу рынка, но основная

часть предпринимателей продолжают свою деятельность на других торговых площадках Новосибирска.

По словам информантов, государство Кыргызстан и они лично приобретают немало преимуществ от гибкого режима торговли и посредничества между Китаем, Турцией и другими государствами Центральной Азии, а также Россией, куда следует основной объем реэкспорта (Kaminski, Mitra 2012). Товары, закупленные в Иу, продавались оптом на Дордое, откуда через Казахстан попадали на российские рынки и в магазины, в том числе и Новосибирска. В итоге такие крупные базары, как Кара-Суу и Дордой, обеспечивали прямо или опосредованно занятость фактически пятой части трудоспособного населения Кыргызстана, что объясняет видную роль киргизстанцев в продвижении китайских товаров на российский рынок (Alff 2016; Karrar 2016, 2018).

Нужда и стремление встроиться в торговые сети, сулившие извлечение доходов, становились фактором миграции киргизстанцев с Юга на Север. К примеру, семья Абазы была вынуждена покинуть Кара-Кульджинский район, поскольку на Севере более мягкий климат, а вокруг Бишкека появилось много возможностей заработать. Тогда «начиналась коммерция и Абазы поняли, что это нужно использовать и возить товар в Россию» (ПМА-1, август 2025 г.). Однако значительный приток новых жителей осложнил социальную и экологическую ситуацию в Бишкеке – «воздух грязный, товары некачественные, вода плохая» (ПМА-1, август 2025 г.). Абазы уехали в Новосибирск, где сложились его предпринимательские сети, и приглашал родственников и хороших знакомых уже как успешный предприниматель, что, с одной стороны, усиливало его авторитет «там», а с другой – заметно укрепляло позиции «здесь», поскольку «было на кого опираться».

Предприниматель Эламан занимался отправкой товаров в Екатеринбург и Новосибирск, опираясь на разветвленные сети неформальных отношений, в основе которых находились доверие и репутация (т.е. «отправил деньги на карту и жду товар, без договора на бумаге – многое на личной репутации и авторитете»). Деловая репутация охватывала партнеров – информантов в Кыргызстане, Казахстане, России, а в некоторых случаях даже в КНР. Именно киргизские уйгуры становились для Эламана деловыми партнерами, с помощью которых китайские товары пересекали киргизско-китайскую границу, а затем следовали через Казахстан в Россию. Как отметили информанты, выгодное положение Новосибирска в приграничье позволило задействовать преимущества неформальной экономики (Polese et al. 2022) и торговли, процветающих в Кыргызстане, найти многим свое место в практиках преодоления неэффективности государства на просторах Евразии (более подробно см.: Polese 2021).

Хотя многие информанты высказывали желание открыть свой бизнес и уехать на родину, относительная устойчивость интересов в сфере торговли и вокруг оптовых рынков в Новосибирске объяснялась тем, что это стабильный источник доходов. Воплотить замыслы по созданию своего дела удается далеко не всем, поэтому роль успешного челнока-предпринимателя, живущего на две-три страны, оказывается намного привлекательнее. Большинство киргизских челноков, принимавших участие в исследовании, предпочитают опираться на созданные ранее торговые связи и получать регулярные доходы, нежели «терять все, вкладываясь в создание бизнеса в Кыргызстане» (ПМА-4, февраль 2023 г.).

Если Новосибирск воспринимается как город для предпринимательства, то Тюмень и Тюменская область выглядят привлекательными для трудовой миграции и переезда на постоянное место жительства. Как отметили информанты, одними из первых киргизов, прибывших в 1960–1980-е гг. в Тюменскую область, являлись нефтяники-вахтовики, что закрепило нарратив о преимуществах региона для трудовой миграции (Рочева и др. 2019). Как отметил Алтынбек, «если не можешь торговать или нет связей для этого», всегда можно найти работу на предприятиях, связанных с нефтедобычей или в строительном секторе, доставке, такси и т.д. У многих «куплена квартира, живет семья в Тюмени», а отцы семейства находятся на заработках в ХМАО и Тюменской области (ПМА-2, август 2024 г.).

В материалах интервью информантами нередко упоминался Томск в качестве крупного кластера образовательной и трудовой миграции, в том числе из Кыргызстана. У нескольких информантов нашлись родственники или знакомые, которые получили в этом городе образование или учатся/работают на момент проведения исследования. Пространство Томска воспринимается не только сквозь призму высокого академического статуса и концентрации ведущих университетов. Информанты приводили аргументы в пользу более высокого уровня культуры и более уважительного отношения к культурным различиям. Несколько раз интервьюируемые с улыбкой называли Томск «Питером в миниатюре».

Хотя мигранты из Центральной Азии ощущают, что маркированы культурно, социально и этнически, это не вызывает у них существенного дискомфорта в пространстве Томска. Например, Ойбек, который закончил один из томских университетов шесть лет назад и потом уехал в Кыргызстан в надежде найти работу по специальности, но потом, осознав отсутствие перспектив из-за низкой заработной платы, вернулся в Новосибирск, занялся бизнесом с земляками и подрабатывал таксистом. Ойбек, когда жил и работал в Новосибирске, неоднократно слышал в свой адрес ругательства и оскорбления, чего не припомнит в Томске. Кроме того, Томск в сравнении с Новосибирском или Тюменью не вос-

принимается как место постоянной и напряженной конкуренции за ресурсы среди жителей, представителей принимающей стороны и мигрантов, а также различных групп мигрантов. Нарратив о жизни в этом городе предполагает, что «здесь никому и ничего не нужно постоянно доказывать» (ПМА-1, август 2025 г.), но заработки зачастую могут быть ощутимо меньше, поэтому сюда приезжают, опираясь на уже крепко сложившиеся социальные сети, дающие определенное стартовое преимущество.

Жизнь «здесь» и «там»

В собранных интервью прослеживалась мысль о том, что транснациональная идентичность киргизских мигрантов крайне противоречива. Будучи четко разделены, прежде всего на региональные и земляческие группы, выходцы из Кыргызстана болезненно чувствуют свою непринадлежность как к отправляющему, так и к принимающему сообществу (Насритдинов, Рахимов 2021: 202–231). Киргизские мигранты создают разветвленные сети отношений поверх государственных границ, проживая словно в двух мирах, «здесь» и «там», осуществляя множественное планирование будущего (Джанызакова 2019; Liebert 2020; Schröder 2020).

Мигранты сохраняют прочные связи с членами семьи и земляками, осуществляют денежные переводы и периодически возвращаются «домой», тем самым публично подтверждая успешность своего миграционного сценария и подчеркивая принадлежность к сообществу, из которого отправились в трудовую миграцию. Для этого выработана цикличность перемещений между принимающей страной и страной исхода. Как показало анкетирование возвратившихся в Кыргызстан¹, примерно половина опрошенных планировала вернуться (22%) или еще не определилась (29%) со своими планами. Эта группа респондентов поддерживала интеграцию Кыргызстана в ЕАЭС и демонстрировала более высокую мотивацию получить гражданство РФ (Osadchaya et al. 2023: 137). Решение о повторном возвращении зависит от опыта миграции, личных качеств и соответствия условий жизни своим представлениям. Участники нашего исследования характеризовали свои планы как нестабильные и изменчивые, «даже решив вернуться, никогда нельзя быть уверенным, что это так и будет – через несколько месяцев опять приехал работать в Новосибирск» (ПМА-1, май 2024 г.). Миграция рассматривается информантами не только как неотъемлемая часть образа жизни, но и как важное преимущество в конкуренции за доступ к социальным благам и ресурсам, связанным с транснациональностью.

Участники исследования посещают Кыргызстан от одного до пяти раз в году, что иногда влечет за собой нежелание тратить время и ресурсы на поездки. Однако необходимость совершать поездки на родину

вызвана рядом прагматических соображений и моральных обязательств. Необходимо доказывать, что жизнь в России «не испортила и никого не забыл, не зазнался», в то же время информанты, не будучи уверенными в будущем «здесь», сохраняют стабильные отношения с родственниками и знакомыми «там». Во многом поэтому большинство интервьюируемых признались, что они или их родственники имеют определенную сумму на непредвиденные расходы, которые могут внезапно потребоваться «там» (юбилей, похороны, свадьба, ремонт дома и др.). Транснациональные жизненные сценарии предполагают и следование определенной календарной обрядовости, чтобы потом никто не говорил «даже к родственникам на свадьбу или день рождения не приехали». Это включает посещение мероприятий, признанных сообществами в принимающей и отправляющей странах обязательными для «сохранения лица», подтверждения своей принадлежности и соответствия нормам «правильности» киргизского общества.

Организация праздников (майрам, той), которые воспринимаются как социальное обязательство и способ демонстрации статуса, часто может приводить к неэффективному распределению ресурсов. Приоритетной статьёй расходов домохозяйств становится потребление, в том числе демонстративное, а не инвестиции в образование, здоровье или открытие бизнеса. Информантки критически оценивали поведение своих родных, оставшихся на родине, которым «сложно понять все тяготы трудовой миграции» (ПМА-1, август 2025 г.).

Необходимость подтверждения социального статуса, особенно в сельских сообществах на юге Кыргызстана, нередко приводит к расточительности, которая способствует формированию эмоциональной дистанции между находящимися на заработках и теми, кто осваивает денежные переводы. Для легитимации таких расходов нередко из уст родственников и соседей звучат аргументы о хороших заработках членов домохозяйства, что, по мнению окружающих, позволяет осуществить такие незапланированные траты (ПМА-1, август 2024 г.). Однако девушки и женщины признавались, что по этой причине ощущают эмоциональную дистанцию в отношениях со своими родственниками (Хрупкая сила миграции... 2018: 36). Во многом поэтому, как отмечали К. Кюнаст и Н. Дадвик, социальные сети в постсоветском Кыргызстане подвергались жесткой экономической сегрегации. Богатые домохозяйства. «презентовавшие себя успешными», по словам информантов, в основном взаимодействовали с другими богатыми домохозяйствами и старательно исключали «бедных родственников» из своих социальных связей (Kuehnast, Dudwick 2004; Satybaldieva 2018).

Транснациональный характер приобретают не только повседневные практики мигрантов, но и идентичность, поскольку происходит ее адаптация к образу жизни «здесь» и «там». На это влияют успешность миграционного сценария, прочность личных, семейных, земляческих и иных

связей со страной исхода. Удачный сценарий миграции включает получение гражданства РФ, наличие стабильного источника дохода, создание собственного бизнеса, формирование и поддержание положительной репутации «там» и «здесь».

Важным вопросом, на котором останавливались информанты, является отношение к родине. Киргизские мигранты, получившие российское гражданство, признавали, что их решение нередко было продиктовано прагматическими соображениями (Fryer, Nasritdinov, Satybaldieva 2014; Ruget, Usmanalieva 2008; 2010). Гражданство России значительно упрощало пребывание мигрантов в принимающей стране, ощутимо сокращало влияние политической нестабильности, коррупции и низкого уровня жизни в Кыргызстане. В то же время победы на соревнованиях киргизстанских спортсменов, президентские выборы, политическая нестабильность на родине – все это ситуативно актуализирует «кыргызскость». Чувство гордости за Кыргызстан связано с уникальной природой, особенностями киргизской культуры (к примеру, упоминались Всемирные игры кочевников см.: Polese, Sheranova 2023) и обретением государственной независимости. В то же время присутствие негативных эмоций, главной из которых назван «стыд», связано с бедностью и высоким уровнем коррупции. Информанты ностальгировали о «доме» и «родине», но всякий раз прерывали их описанием бедственного положения основной части жителей родного села или города. Хотя информанты представляли свой опыт транснациональности позитивно («достиг успеха», «заработал денег», «получил статус»), сложное социальное положение и «необходимость терпеть унижения ради заработка на кусок хлеба» усиливают чувство фрустрации, укрепляют ощущение стыда за свое текущее положение и состояние дел в стране исхода, ставшее основной причиной отъезда. Как сказал один из успешных киргизских предпринимателей, возможно, осознанно используя слова Верещагина из фильма «Белое солнце пустыни»: «...за державу обидно» (ПМА-1, апрель 2025 г.).

Отправка в трудовую миграцию или приобретение гражданства РФ заметно осложняют покупку собственности на родине и реализацию избирательного права, но в то же время представления об обязанностях перед отправляющей стороной трансформируются в «экономический патриотизм», а перед принимающей – в подчинение сложившимся неформальным нормам фактически без признания своих элементарных прав. Миграция для информантов выглядит лояльностью через выход, сочетается с настойчивой критикой «пороков» киргизского государства и общества. Так, Чингиз рассказал историю, как ему несколько месяцев не могли (или не хотели) выдать паспорт, поскольку у него не было «возможности дать взятку» (ПМА-2, август 2024 г.). Еще одним аргументом

информантов в критике государственных институтов на родине, нашедшим определенное отражение в полевых данных А. Исмаилбековой (Ismailbekova 2013), стала стратегия избегания конфликтов, принятая после столкновений в Ошской области в 2010 г. Молодых мужчин – киргизов и узбеков – домохозяйства стремились отправить в трудовую миграцию, чтобы они «находились подальше» от возможных преследований и поборов силовиков.

Принятие российского гражданства рассматривается как важный шаг в интересах страны исхода: «не обременяем Кыргызстан, но приносим ему большую пользу на расстоянии» (ПМА-3, май 2025 г.). Информанты описывают текущее состояние как «лояльность и уважение к родине через отъезд» (ПМА-1, июль 2025 г.), что позволяет снизить нагрузку на социальные институты, сгладить социальную напряженность и поддерживать домохозяйства с помощью денежных переводов, осуществлять рекрутирование родственников и земляков в трудовые коллективы. Желание «когда-нибудь в будущем вернуться» сосуществует с критическим отношением к киргизскому государству.

Возвращение становится обязательным атрибутом историй мигрантов, но всегда подчеркивается, что оно произойдет «только после улучшения ситуации в стране». Представления о родном районе или городе важны для формирования долгосрочных планов на возвращение, согласования ностальгических нарративов о родине и объяснения причин отъезда в миграцию. Возвращение становится благим пожеланием о том, что киргизам следует «помнить родину и быть готовыми вернуться в родные села» (ПМА-4, сентябрь 2022 г.). Хотя это высказывается публично, постоянная смена биографических контекстов каждый раз отодвигает этот момент на неопределенную перспективу. Информанты рассказывают, как они сами или их родственники и знакомые всякий раз изыскивают все новые аргументы в пользу включенности в транснациональные пространства.

Еще одним механизмом формирования и поддержания транснациональности, по мнению участников исследования, является отсутствие ресурсов для самоорганизации в стране исхода, чтобы добиваться от государства выполнения важных проектов (ремонт или прокладка водопровода, дороги, школы и др.). Если северные регионы, такие как Бишкек или Иссык-Куль, более урбанизированы и социально-политически стабильны, что сказывается на уровне и направлениях гражданской активности, то в южных частях страны ситуация сложнее. Интервьюируемые констатировали, что трудовая миграция и поддержание транснационального образа жизни выступают в качестве немногочисленных альтернатив гражданской активности (ПМА-1, июль 2025 г.; ПМА-2, август 2024 г.).

Хотя жизнь в миграции сопряжена со множеством тягот, идеи об активном субъекте, ищущем заработок и перспективы, встраиваются в

представления о «пассивном» и «активном» гражданине. Трудовая миграция и транснациональные стратегии вписываются в модели поведения активных граждан в условиях слабого государства. Киргизстанцы, имеющие возможность взять на себя существенную долю ответственности за собственное благосостояние, «полезны» (денежные переводы, снижение социальной нагрузки и др.) в условиях, когда государственные институты не способны предоставить важные услуги. Транснациональные стратегии информантов дополняют идеи об активном гражданстве, которые, с одной стороны, подчеркивают конкурентные преимущества автономных и рациональных граждан, а с другой – легитимируют и закрепляют представления о функциональной неспособности Кыргызстана выполнять ряд важных функций (Owen 2020; Ruget, Usmanalieva 2008, 2010).

Заключение

Мобильность и транснациональные практики прочно встроились в повседневную жизнь мигрантов из Кыргызстана в регионах Сибири. В создаваемые ими транснациональные пространства вовлекаются все новые акторы: от участия в предпринимательских проектах с опорой на репутацию до приглашения членов семьи и земляков приехать в сибирские города на заработки. Устойчивость предпринимательских проектов, рассредоточенных информантами от Китая до Новосибирска и во многом основанных на неформальных договоренностях и репутации, обусловлена тем, что многие готовы терпеть определенные лишения «здесь», но поддерживать и воспроизводить позитивное представление о себе как об успешном предпринимателе «там», «большом человеке», который реализовал свой миграционный сценарий и способен стать компетентным советником, знающим проводником и надежной опорой для земляков, решившихся на переезд. Материальный ущерб и репутационные риски от выхода из этих сетей зачастую представляются многократно превышающими потенциальные выгоды. Эти соображения играют не последнюю роль в поддержании транснациональных связей, протянувшихся от «надежных» поставщиков на границе Китая и Кыргызстана, рынков Оша и Бишкека до партнеров в Казахстане и(или) в России. Информанты воспроизводят усвоенные механизмы транснациональности, что укрепляет представления об определенной специфике миграционных стратегий для различных регионов Сибири. Так, Новосибирск и Красноярск рассматриваются как города для реализации предпринимательских сценариев, Тюмень – для заработка и жизни, Томск – для учебы и в какой-то мере поиска себя.

Очевидно, что эта дифференциация имеет условный характер и нужна для маркирования сетей и ролей, которые первоначально приводят мигрантов в эти города и регионы. Однако реализация этих сценариев подвержена влиянию многих обстоятельств, что приводит к их совмещению, ситуативному переключению с образовательного сценария на трудовой, предпринимательский и обратно. При этом, признавая все положительные эффекты и преимущества транснациональности, нельзя не учитывать диссонанс, порождаемый ситуацией, когда актер фактически живет в двух мирах и приспосабливается к данному состоянию. Это влечет за собой рефлексию о глубинных мотивах перемещений, причинах сегментации киргизского общества, а также относительно своего личного опыта миграции и коридора возможностей для эффективного взаимодействия с государственными институтами, в конце концов, будущего страны исхода. Информанты нацелены максимально использовать преимущества транснационального образа жизни, позволяющего, с одной стороны, оставаться киргизами и киргизстанцами в приемлемых и социально одобряемых рамках, что позволяет «сохранить лицо», а с другой – минимизировать влияние рисков на повседневную жизнь и ключевые биографические стратегии. Лояльность по отношению к стране исхода находится под вопросом, поскольку информанты видят свою миссию в том, чтобы «быть кыргызами и оставаться кыргызстанцами, но на расстоянии».

Примечание

¹ В октябре-ноябре 2022 г. в Кыргызстане было опрошено 515 вернувшихся из России мигрантов, взято 37 глубинных интервью с ними, в ноябре-декабре 2022 гт. опрошено 425 трудовых мигрантов из Кыргызстана, взято 52 глубинных интервью с ними. Исследование проведено Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) при коллаборации с Кыргызско-Российским Славянским университетом (руководитель проекта – Г.И. Осадчая).

Список источников

- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С.* Мигранты в российских городах: Расселение, концентрация, интеграция. М.: Дело, 2021.
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М.* Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 2. С. 225–253.
- В Екатеринбурге застрелили экс-главу киргизской диаспоры на Урале // 03.06.2019. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ural-news/6624325> (дата обращения: 08.11.2025).
- Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78> (дата обращения: 01.06.2025).
- Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom11.htm (дата обращения: 01.06.2025).
- Всероссийская перепись населения 2020 // ФАДН России. URL: <https://fadn.gov.ru/otkrito-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения: 01.06.2025).

- Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Фрайер П.* Опыт изучения киргизской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 54–70.
- Джанызакова С.Д.* «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 72–86.
- Из Азии в Сибирь, или в поисках «Нового света» (положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в Бурятии). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013.
- Капустина Е., Борисова Е.* Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 14–29.
- Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023.
- Насритдинов Э., Рахимов Р.* Транснациональная идентичность киргизских трудовых мигрантов в России // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 202–232.
- ПМА-1 – Полевые материалы автора, г. Новосибирск, 2024–2025 гг.
- ПМА-2 – Полевые материалы автора, г. Тюмень, август 2024 г.
- ПМА-3 – Полевые материалы автора, г. Иркутск, май 2025 г.
- ПМА-4 – Полевые материалы автора, г. Красноярск, 2022–2023 гг.
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С.* Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: социальные, языковые и идентификационные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 166–175.
- Смирнова Т.Б., Блинова А.Н.* Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток // Журнал фронтальных исследований. 2024. Т. 9, № 3 (35). С. 281–303.
- Соколов А.А., Руднева О.С.* Региональные особенности демографических процессов в российско-казахстанском трансграничье // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 30–42.
- Хрупкая сила миграции: потребности и права женщин и девочек Республики Таджикистан и Кыргызской Республики, затронутых трудовой миграцией. МОМ, 2018.
- Alff H.* Flowing Goods, Hardening Borders? China's Commercial Expansion into Kyrgyzstan Re-examined // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57 (3). P. 433–456.
- Fryer P., Nasritdinov E., Satybaldieva E.* Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic // Central Asian Affairs. 2014. Vol. 1 (2). P. 171–198.
- Kaminski B., Mitra S.* Borderless Bazaars and Regional Integration in Central Asia. Washington: The World Bank, 2012.
- Kaminski B., Raballand G.* Entrepôt for Chinese consumer goods in central Asia: the puzzle of re-exports through Kyrgyz bazaars // Eurasian Geography and Economics. 2009. Vol. 50 (5). P. 581–590.
- Karrar H.H.* Kyrgyzstan's Dordoi and Kara-Suu Bazaars: Mobility, Globalization and Survival in Two Central Asian Markets // Globalizations. 2016. Vol. 14 (4). P. 643–657.
- Karrar H.H.* Between Border and Bazaar: Central Asia's Informal Economy // Journal of Contemporary Asia. 2018. Vol. 49 (2). P. 272–293.
- Kosygina L.* Re-nationalisation, inter-nationalisation, and supra-nationalisation in the re/production of transnational social space(s): the case of Kazakhstanis residing in Novosibirsk // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43 (6). P. 1026–1043.
- Kuehnast K., Dudwick N.* Better a hundred friends than a hundred rubles? Social networks in transition – the Kyrgyz Republic. Washington: The World Bank, 2004.
- Liebert S.* Deconstructing Immigrant Integration: The Case of Kyrgyz Labor Migrants in the United States // International Journal of Public Administration. 2020. Vol. 43 (2). P. 151–165.

- Osadchaya G.I. et al.* Return Migration From Russia to Kyrgyzstan: Dynamics, Causes, and Structure // *Changing Societies & Personalities*. 2023. Vol. 7 (3). P. 122–140.
- Owen C.* Active Citizens in a Weak State: ‘Self-Help’ Groups and the Post-Soviet Neoliberal Subject in Contemporary Kyrgyzstan. *Asian Journal of Middle // Eastern and Islamic Studies*. 2020. Vol. 14 (3). P. 464–479.
- Polese A.* What is informality? (Mapping) “the art of bypassing the state” in Eurasian spaces – and beyond // *Eurasian Geography and Economics*. 2021. Vol. 64 (3). P. 322–364.
- Polese A., Moisé G.M., Tokyzhanova T. et al.* Informality versus shadow economy: reflecting on the first results of a manager’s survey in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 42 (1). P. 149–170.
- Polese A., Sheranova A.* When “branding” meets “building:” the consequences of nation branding on identity in Kyrgyzstan and Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2023. Vol. 55 (2). P. 435–457.
- Ruget V., Usmanalieva B.* Citizenship, migration and loyalty towards the state: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan // *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27 (2). P. 129–141.
- Ruget V., Usmanalieva B.* How much is citizenship worth? The case of Kyrgyzstani migrants in Kazakhstan and Russia // *Citizenship Studies*. 2010. Vol. 14 (4). P. 445–459.
- Satybaldieva E.* Working Class Subjectivities and Neoliberalisation in Kyrgyzstan: Developing Alternative Moral Selves // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2018. Vol. 31. P. 31–47.
- Schröder P.* Business 2.0: Kyrgyz Middlemen in Guangzhou // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39 (1). P. 116–134.
- Ismailbekova A.* Coping strategies: public avoidance, migration, and marriage in the aftermath of the Osh conflict, Fergana Valley // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41 (1). P. 109–127.

References

- Alff H. (2016) Flowing Goods, Hardening Borders? China’s Commercial Expansion into Kyrgyzstan Re-examined. *Eurasian Geography and Economics*. 57(3). pp. 433–456.
- Dzhanyzakova S.D. (2019) “Zdes' i tam” v migrantskih istoriyah vyhodcev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchaj Tomska) [“Here and There” in Migrant Stories of People from Kyrgyzstan in Russia (the Case of Tomsk)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 3. pp. 72–86.
- Fryer P., Nasritdinov E., Satybaldieva E. (2014) Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic. *Central Asian Affairs*. 1 (2). pp. 171–198.
- Gabdrachmanova G.F., Sagdieva E.A., Frajer P. (2020) Opyt izucheniya kirgizskoj migracii v postsovetsoj Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala [Experience of Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital], *Etnograficheskoe obozrenie*. no 3. pp. 54–70.
- Hrupkaya sila migracii: potrebnosti i prava zhenshchin i devochek Respubliki Tadzhikistan i Kyrgyzskoj Respubliki, zatronutyh trudovoj migraciej* [The fragile power of migration: the needs and rights of women and girls in the Republic of Tajikistan and the Kyrgyz Republic affected by labor migration]. MOM, 2018.
- Ismailbekova A. (2013) Coping strategies: public avoidance, migration, and marriage in the aftermath of the Osh conflict, Fergana Valley. *Nationalities Papers*. 41 (1). pp. 109–127.
- Iz Azii v Sibir', ili v poiskah “Novogo sveta” (polozhenie trudovyh migrantov iz Central'noj Azii v Buryatii)* [From Asia to Siberia, or in Search of the “New World” (the Situation of Labor Migrants from Central Asia in Buryatia)]. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2013.
- Kaminski B., Mitra S. (2012) *Borderless Bazaars and Regional Integration in Central Asia*. Washington: The World Bank.

- Kaminski B., Raballand G. (2009) Entrepôt for Chinese consumer goods in central Asia: the puzzle of re-exports through Kyrgyz bazaars. *Eurasian Geography and Economics*. 50 (5). pp. 581–590.
- Kapustina E., Borisova E. (2021) Obzor teoreticheskoy diskussii o koncepcii transnacionalizma [Review of the theoretical discussion on the concept of transnationalism]. In: *Zhit' v dvuh mirah: pereosmyslyaya transnacionalizm i translokal'nost'* [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality]. Ed. by S.N. Abashin, O.E. Brednikova. Moscow: New Literary Review. pp. 14–29.
- Karrar H.H. (2016) Kyrgyzstan's Dordoi and Kara-Suu Bazaars: Mobility, Globalization and Survival in Two Central Asian Markets. *Globalizations*. 14 (4). pp. 643–657.
- Karrar H.H. (2018) Between Border and Bazaar: Central Asia's Informal Economy. *Journal of Contemporary Asia*. 49(2). pp. 272–293.
- Kosygina L. (2017) Re-nationalisation, inter-nationalisation, and supra-nationalisation in the re/production of transnational social space(s): the case of Kazakhstanis residing in Novosibirsk. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 43 (6). pp. 1026–1043.
- Kuehnast K., Dudwick N. (2004) *Better a hundred friends than a hundred rubles? Social networks in transition — the Kyrgyz Republic*. Washington: The World Bank.
- Liebert S. (2020) Deconstructing Immigrant Integration: The Case of Kyrgyz Labor Migrants in the United States. *International Journal of Public Administration*. 43 (2). pp. 151–165.
- Migraciya iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskie i sociologicheskie aspekty* [Migration from Russia to Kyrgyzstan: Demographic and Sociological Aspects]. Ed. by G. I. Osadchaya. Moscow: Publishing House "Econ-Inform", 2023.
- Nasritdinov E., Rahimov R. (2021) Transnacional'naya identichnost' kyrgyzskih trudovykh migrantov v Rossii [Transnational Identity of Kyrgyz Labor Migrants in Russia]. In: *Zhit' v dvuh mirah: pereosmyslyaya transnacionalizm i translokal'nost'* [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality]. Ed. by S.N. Abashin, O.E. Brednikova. Moscow: New Literary Review. pp. 202–232.
- Osadchaya G.I. et al. (2023) Return Migration From Russia to Kyrgyzstan: Dynamics, Causes, and Structure. *Changing Societies & Personalities*. 7 (3). pp. 122–140.
- Owen C. (2020) Active Citizens in a Weak State: 'Self-Help' Groups and the Post-Soviet Neoliberal Subject in Contemporary Kyrgyzstan. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 14 (3). pp. 464–479.
- PMA-1 – Polevye materialy avtora, g. Novosibirsk, 2024–2025 gg. [PMA-1 – Author's field materials, Novosibirsk, 2024–2025].
- PMA-2 – Polevye materialy avtora, g. Tyumen', avgust 2024 g. [PMA-2 – Author's field materials, Tyumen, August 2024].
- PMA-3 – Polevye materialy avtora, g. Irkutsk, maj 2025 g. [PMA-3 – Author's field materials, Irkutsk, May 2025].
- PMA-4 – Polevye materialy avtora, g. Krasnoyarsk, 2022–2023 gg. [PMA-4 – Author's field materials, Krasnoyarsk, 2022–2023].
- Polese A. (2021) What is informality? (Mapping) “the art of bypassing the state” in Eurasian spaces – and beyond. *Eurasian Geography and Economics*. 64 (3). pp. 322–364.
- Polese A., Moisé G.M., Tokyzhanova T., Aguzzi T., Kerikmäe T., Sagynbaeva A., ... Seliverstova O. (2022) Informality versus shadow economy: reflecting on the first results of a manager's survey in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. 42 (1). pp. 149–170.
- Polese A., Sheranova A. (2023) When “branding” meets “building:” the consequences of nation branding on identity in Kyrgyzstan and Estonia. *Journal of Baltic Studies*. 55 (2). pp. 435–457.
- Rocheva A.L., Varshaver EA., Ivanova N. S. (2019) Integraciya migrantov vtorogo pokoleniya iz Zakavkaz'ya i Srednej Azii v Tyumenskoj oblasti: social'nye, yazykovye i identifikacionnye aspekty [Integration of Second-Generation Migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen Oblast: Social, Linguistic, and Identification Aspects]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2 (45). pp. 166–175.

- Ruget V., Usmanalieva B. (2010) How much is citizenship worth? The case of Kyrgyzstani migrants in Kazakhstan and Russia. *Citizenship Studies*. 14 (4). pp. 445–459.
- Ruget V., Usmanalieva B. (2008) Citizenship, migration and loyalty towards the state: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan. *Central Asian Survey*. 27 (2). pp. 129–141.
- Satybaldieva E. (2018) Working Class Subjectivities and Neoliberalisation in Kyrgyzstan: Developing Alternative Moral Selves. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 31. pp. 31–47.
- Schröder P. (2020) Business 2.0: Kyrgyz Middlemen in Guangzhou. *Central Asian Survey*. 39 (1). pp. 116–134.
- Smirnova T.B., Blinova A.N. (2024) Etnodemograficheskie processy v prigranichnyh regionah Aziatskoj Rossii v novyh usloviyah povorota na Vostok [Ethnodemographic processes in the border regions of Asian Russia in the new conditions of the turn to the East]. *Journal of Frontier Studies*. 3 (35). pp. 281–303.
- Sokolov A.A., Rudneva O.S. (2023) Regional'nye osobennosti demograficheskikh processov v rossijsko-kazahstanskom transgranich'e [Regional features of demographic processes in the Russian-Kazakh cross-border]. *Narodonaselenie*. 3. pp. 30–42.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. (2021) *Migranty v rossijskikh gorodah: Rasselenie, koncentraciya, integraciya* [Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration]. Moscow: Delo.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. (2020) Mesta rezidentnoj koncentracii migrantov v rossijskikh gorodah: est' li pattern [Places of Residential Concentration of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern]. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2 (19). pp. 225–253.
- V Ekaterinburge zastrelili eks-glavu kirgizskoi diaspory na Urale [Former head of Kyrgyz diaspora in Urals shot dead in Yekaterinburg]. *TASS*. 03.06.2019. Available at: <https://tass.ru/ural-news/6624325> (Accessed 08 November 2025).
- Vserossijskaya perepis' naseleniya 2002 [All-Russian Population Census 2002]. *VPN-2002*. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78> (Accessed 1 July 2025)
- Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 [All-Russian Population Census 2010]. *VPN-2010*. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom11.htm (Accessed 1 July 2025)
- Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 [All-Russian Population Census 2020]. *FADN Rossii* [FADN of Russia]. Available at: <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (Accessed 1 July 2025)

Сведения об авторе:

АВДАШКИН Андрей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Пермь, Россия); старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: adrianmaricka@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrei A. Avdashkin, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russian Federation); Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: adrianmaricka@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 23 августа 2025;
принята к публикации 15 ноября 2025.*

*The article was submitted 23.08.2025;
accepted for publication 15.11.2025.*